

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ФАКТОР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ДУМЫ В ПЕРИОД «ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ» КОНТРРЕВОЛЮЦИИ (ИЮНЬ – НОЯБРЬ 1918 г.)

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 04-01-00380а.

В статье рассматривается роль национального фактора в деятельности Сибирской областной думы второго созыва. Исследуются национальный состав депутатского корпуса, работа национальной фракции в частных совещаниях, в комиссиях, в заседаниях Думы летом – осенью 1918 г., анализируются представления национальной политической элиты о путях решения национальных проблем в автономной Сибири.

Деятельность сибирского парламента периода Гражданской войны – Сибирской областной думы, которая была разогнана Томским советом в январе 1918 г., возобновляется после падения советской власти в Сибири в конце мая 1918 г. 5 июня 1918 г. в Томске начали свою работу частные совещания Думы, в составе которой вновь формируются 4 фракции: с.-р., с.-д., областников и беспартийных и национальная. [Роли национального фактора в деятельности Сибирской областной думы в предшествующий период посвящена статья автора «Национальный вопрос в программных установках сибирских областников, законотворческой и политической практике Сибирской областной думы (1917 – январь 1918 г.)» (Вестник Томского государственного университета. № 281. 2003. Март)]. По свидетельству эсера М.А. Кроля, частные совещания «происходили при большом подъеме», а «поставленные на очередь дня вопросы обсуждались с исключительной серьезностью». Но с первых же дней работы стало ясно, что члены Думы «расходятся на два абсолютно непримиримых лагеря», «два исключаящих друг друга мировоззрения, две противоположных тактики, две чуждые одна другой психологии»: социалистические группы и автономистов. Первые стояли за укрепление Сибирской областной думы «как высшего законодательного органа края, за увеличение ее престижа, за установление тесной связи между нею и широкими народными массами и за скорейший созыв Учредительного собрания. Автономисты же рвались в бой с большевиками и лелеяли мечту о военной диктатуре... Главное их внимание было обращено на организацию военной силы, способной продолжать борьбу с советской властью и коммунистами». В этой логике для парламентских иллюзий места не оставалось и поэтому роль Думы сводилась к минимуму, а вся полнота власти должна быть сосредоточена в руках Временного Сибирского правительства, которому предоставлялась полная свобода действий [1. С. 73]. В своих политических симпатиях разошлись между собой и члены национальной фракции. Одни, например, З.С. Гайсин, солидаризировались с эсерами, другие, в частности, Ю.Р. Саиев, Н.М. Карпов, С.С. Борисов – с областниками [2. С. 9].

На заседании 13 июня были сформированы думские комиссии, в том числе комиссия по национальным делам. В ее состав вошли А.В. Адрианов, Ю.Р. Саиев, Н.М. Карпов, З.И. Шкундин, А.М. Евзеров, З.С. Гайсин и др. В качестве специалистов по национальному вопросу были привлечены историк-правовед, профессор Томского университета Н.Я. Новомбергский и известный этнограф и публицист В.И. Анучин [3. 15 июня]. Члены национальной фракции вошли и в состав других комиссий: Ю.Р. Саиев – местного управления и общественной безопасности, судебной-административную и

военную; З.И. Шкундин и А.М. Евзеров – социальных мероприятий. На заседании 19 июня фракция национальностей постановила делегировать своего представителя в каждую комиссию, организованную при Думе [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 15. Л. 8, 13]. В этот же день комиссия наметила план работ. В первую очередь намечалось «изготовить» законопроект о национально-персональной автономии национальных меньшинств Сибири. Подготовка объяснительной записки поручалась Н.Я. Новомбергскому. Вопрос о территориальной автономии откладывался до прибытия делегатов от территориальных народов Сибири [3. 22 июня; 4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 15. Л. 11, 13; Д. 16. Л. 13].

С возобновлением деятельности Думы реанимируется идея созыва конгресса народов Сибири. 27 июня в сибирских газетах было опубликовано обращение председателя национального совета В. Строкана «К народам Сибири», которое почти дословно воспроизводило обращение национального совета от 27 января 1918 г. Созыв конгресса намечался на июль 1918 г. Народы Сибири призывались к организации и поддержке областных органов сибирской власти и пропаганде идеи автономии Сибири. Вновь предлагалось организовывать общенациональные комитеты всех уровней с представительством всех национальных организаций [5. 27 июня]. Но созвать конгресс не удалось и на этот раз. Не обнаруживал свою деятельность в дальнейшем и национальный совет.

30 июня 1918 г. председатель Сибоблдумы И.А. Якушев на основе рекомендаций частного совещания и с согласия членов Западно-Сибирского комиссариата передал власть в Сибири пятерке министров из кабинета Дербера – П.В. Вологодскому, В.М. Крутовскому, И.А. Михайлову, Г.Б. Патушинскому, М.Б. Шатилову, – образовавших Временное Сибирское правительство с местопребыванием в Омске [2. С. 10]. Омское правительство заняло в национальном вопросе, как и в вопросе о власти, позицию, отличную от эсеровской Думы, более консервативную и более жесткую. В грамоте «Ко всем народам Сибири» от 7 июля оно заявило, что «гарантирует всем народам Сибири, без какого бы то ни было исключения, туземным и пришлым, населяющим определенные территории и рассеянным по всему пространству великой Сибири, полную неприкосновенность их гражданских, политических и национальных прав». Законодательные нормы, предоставляющие каждому народу право и возможность «свободно устраивать свою судьбу сообразно с традициями своего прошлого, идеалами своего будущего, на благо всей единой великой Сибири», будут выработаны Сибирской областной думой и Сибирским Учредительным собранием [6. Отдел 1. С. 3–4.].

5 (18) июля 1918 г. Временное Сибирское правительство, ссылаясь на «Грамоту» 7 июля, обнародовало

проект «Временного положения о культурной автономии национальностей Сибири» [7. 5 (18) июля]. В этом документе Омское правительство, по сути дела, выразило свое *credo* в национальной политике. Уже в первом и втором пунктах выражалось отрицательное отношение к предоставлению национально-территориальной автономии народам Сибири. Этот вопрос, как «затрагивающий сущность политического устройства Сибири», мог быть «решен только всесибирским Учредительным собранием». Отказываясь на этом основании «признавать избранные некоторыми национальностями комитеты (например, Алаш-Орда киргиз-кайсаков) органами национально-территориальной государственной власти», правительство тем самым давало понять, что все попытки самоопределения на основе национально-территориальной автономии до Учредительного собрания будут пресекаться.

Вместе с тем «отдельным национальностям Сибири», составляющим не менее 10 % местного населения, предоставлялась национально-культурная автономия, а именно: а) право на создание учебных заведений всех уровней с преподаванием на родном языке; б) право организации местных судов с подчинением их государственному суду; в) равноправие местных языков в органах самоуправления тех местностей, где не менее 50% говорит на местном языке. Таким образом, делая уступку национальным притязаниям в форме культурной автономии, Сибирское правительство ограничивало ее функции сферой школы, языка и судопроизводства. Не было в этом документе указаний и на такие классические признаки национально-культурной автономии, как экстерриториальность и добровольность вступления в автономное национальное сообщество. Признавая национальные комитеты «правомерными представительными органами... по вопросам культурно-национальной автономии и местного самоуправления», правительство оставляло за собой право назначать правительственных комиссаров в местностях, население которых притязает на культурную автономию, отказывая тем самым в признании органов национального самоуправления субъектами права.

В целом этот документ отразил существовавшие в рядах адептов областнической идеи разногласия между правым крылом областников и их левой частью, к которой примыкали сторонники автономии Сибири из числа социалистов и прежде всего эсеров. Омское правительство тяготело к первым, большинство Сибоблдумы – ко вторым. Правительственный проект о национально-культурной автономии имел мало общего с прежними законодательными инициативами и декларациями областников, в основе которых лежала эсеровская национальная программа. По существу, он не выходил за рамки кадетской формулы «культурного самоопределения», взятой в 1905 г. областниками за основу решения «инородческого вопроса» в Сибири, которая в 1917 г. была конкретизирована в виде национально-персональной автономии. Близость к ортодоксальному областничеству проявилась также в том, что культурная автономия предоставлялась не пришлым меньшинствам и «нациям без территории», как об этом говорилось в принятых под влиянием эсеров решениях областнических съездов, а коренному, автохтонному населению.

На то, что объектом внимания в национальной политике Сибирского правительства являлось прежде всего «туземное» население, а не пришлые этнические меньшинства, указывает и факт образования в его составе Министерства туземных дел во главе с эсером М.Б. Шатиловым, хотя на январской сессии Думы были утверждены законопроекты о создании министерств и туземных, и экстерриториальных дел. Создание туземного министерства было новым явлением в истории государственного строительства, что затрудняло организацию его деятельности. Для работы в министерстве М.Б. Шатилов пригласил известных в Сибири этнографов В.И. Анучина и И.И. Тьжнова и профессора Томского университета Н.Я. Новомбергского [8. 16 (3) июля]. Для разработки мероприятий, касающихся туземных народностей Сибири, при министерстве создавался ученый совет [9. Ф. 1700. Оп. 7. Д. 55. Л. 1, 1 об; 10. 30 авг.]. М.Б. Шатилов предполагал строить работу министерства на основе выработанных в январе 1918 г. законопроектов. Как отмечалось в ряде газетных сообщений, для организации национального самоуправления Министерство туземных дел планировало созвать съезды туземных племен в Сургутском, Березовском, Нарымском, Обдорском, Туруханском округах, на которых должны были образоваться национальные советы, действующие вместе с комиссаром данного округа. Предполагалось, что лишь после проведения туземных съездов, призванных выявить нужды туземного населения, его быта, хозяйственного уклада, численного состава и прочего, будет возможно выделить туземцев в особые округа и определить дальнейшие шаги в деятельности Министерства. Для установления связи между отдельными народами и возможно более полного освещения их нужд предусматривалось создание при Министерстве «Совета по туземным делам» с совещательными функциями.

Для сохранения от вымирания народов Севера предполагалось постепенное закрытие границ населенных ими территорий. Ввоз водки и спирта на территорию севера Сибири воспрещался. Всякая частная инициатива извне допускалась лишь по усмотрению Министерства. В качестве первоочередной задачи ставилось обеспечение населения Севера продовольствием, а их промыслов – охотничьими и рыболовными принадлежностями. С этой целью предполагалось организовать меновой обмен через туземные кооперативы, а в случае невозможности их создания – через особо созданные аппараты.

Что касается народов, занимавших сплошную территорию и к тому времени уже имевших волостные земские самоуправления и национальные организации (буряты, алтайцы, минусинцы), то их предполагалось выделить в самостоятельные национальные земские единицы, сначала уездные, а затем и окружные. По мере развития самостоятельности этих народов круг компетенции органов национального самоуправления предполагалось расширить [11. 27 июля, 16 авг.].

На протяжении июня – июля 1918 г. члены думской национальной фракции принимали деятельное участие в работе частных совещаний Думы. Постепенно прибывали все новые и новые представители национальных организаций, полномочия которых рассматривались частными совещаниями. Так, 19 июня были рассмотрены кандида-

туры М.К. Амдурского, представлявшего Дальневосточный районный комитет сионистских организаций, и Р.Я. Куксмана, избранного в члены Думы Центральным комитетом эстонских колоний Томской губернии [5. 21 июня]. Было постановлено временно допустить их в качестве членов Думы. 13 июля была рассмотрена кандидатура эстонца А.И. Петерсона, 20 июля – кандидатуры Г.И. Шварца (от Омского районного комитета российских граждан немецкой национальности) и И.Г. Реннера (от Славгородского районного комитета той же организации), которых также постановили временно допустить к работе в частных совещаниях Думы впредь до разрешения вопроса о законности их представительства мандатной комиссией. Вместе с тем 17 июля была отклонена кандидатура представителя Западно-Сибирского областного комитета Бунда Д.И. Розенберга, на том основании, что Бунд – политическая партия, а партии специального представительства в Думе не имеют [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 16. Л. 11. 56 об., 61, 73; Д. 15. Л. 11, 64 об.]. 29 июля состоялось заседание мандатной комиссии, которая признала мандаты членов Думы М.К. Амдурского, М.А. Романовского, Г.М. Токмашева, Г.И. Шварца, И.Г. Реннера, В.А. Строкана, Д.М. Табокова и Р.Я. Куксмана бесспорными с правом решающего голоса. Эти члены Думы были отнесены к 1-й категории. Ко 2-й категории были отнесены члены Думы, по разным причинам не представившие мандаты: Ю.Р. Саиев, Н.М. Карпов, А.М. Евзеров, З.С. Гайсин, И.Е. Нагорный, А.И. Петерсон. Мандаты представителей Бунда и Поалей-Цион комиссия вновь сочла не дающими права участия в Думе, так как эти организации являются политическими партиями и члены их могут иметь представительство путем участия их в выборах своих национальных объединений [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 15. Л. 134–135 об.; Д. 16. Л. 110, 110 об., 112 об.]. На 30 июля в работе частных совещаний Думы принимали участие уже 65 человек, в том числе 16 представляли различные национальные организации [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 18. Л. 54].

В связи с открытием работы 2-й сессии Думы фракция национальностей обратилась «Ко всем национальностям Сибири» с призывом «воспользоваться правом представительства, принять меры к созданию районных и общесибирских объединений», поскольку национальный вопрос, являющийся «одним из наиболее серьезных вопросов, решение которого предстоит Думе», только тогда может быть правильно разрешен, если все национальности будут представлены в Думе [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 46. Л. 13].

Открытие 2-й сессии Сибирской областной думы приветствовали буряты (Ангарская аймачная земская управа Иркутской губернии, Эхирит-Булагатское аймачное земское собрание гласных, состоявшееся 23–29 июля, Иркутский бурятский национальный комитет, Тункинский аймачный суглан), сионисты Мариинска, мусульмане Ачинска, правительство Киргиз-Казахской автономии Алаш, Совет Иркутской еврейской общины, Омский совет национальностей, Второй Всесибирский украинский съезд, Центральный комитет российских граждан немецкой национальности и др. [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 39. Л. 2, 18, 22, 28, 35, 38, 43–44, 58, 63, 96].

К дню открытия Думы, 15 августа, прибыло 97 членов Думы, из них 21 представлял национальности Сибири, в их числе 7 – «туземные народности» (2 – от Каракорум-Алтайского округа и Алтайской земской управы, 2 – от

татар, 2 – от минусинских туземных племен, 1 – от Якутского национального комитета); 14 человек – пришлые национальные меньшинства (5 – от немцев, 4 – от украинцев, 3 – от сионистов, по одному от эстонцев и латышей). 16 августа мандатная комиссия признала полномочия представителей всех этих национальностей. На следующий день были признаны бесспорными полномочия еще 7 членов Думы, представлявших национальные организации: 1 – от поляков Томска, 1 – от Национального комитета корейцев, 3 – от мусульманских организаций, 2 – от якутских национальных организаций [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 47–48 и об., 299; 2. 15 авг., 10 сент.].

Таким образом, 28 членов Думы имели мандаты национальных организаций Сибири, представляя тем самым внушительную силу, с которой нельзя было не считаться при решении как острых общеполитических вопросов, так и национальных проблем. Представители национальностей образовали свою фракцию (председатель – Ю.Р. Саиев, товарищи председателя: Ф.Ф. Фрезе, В.А. Строкан, секретари: М.К. Амдурский, С.С. Борисов) в составе 23 человек [5. 30 авг.; 4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 63. Л. 2, 5]. Не все члены национальной фракции были делегированы национальными организациями. Так, Ю.Р. Саиев, один из активных членов Думы, был представителем Томского губернского земства, а С.С. Борисов представлял Алтайское земство. Фракция национальностей в свою очередь подразделялась на секции экстерриториальных и туземных народов.

В первый день работы сессии была оглашена декларация Временного Сибирского правительства, представляющая программу его деятельности, с которой выступил П.В. Вологодский. Важное место в работе Омского кабинета отводилось деятельности Министерства туземных дел, в ведение которого предполагалось передать «все обитаемые преимущественно туземцами части... севера Сибири», имеющие «редкое и малокультурное население и где нет возможности организовать самоуправление». Было отмечено, что Министерство «уже приняло меры к снабжению продовольствием инородцев северных территорий Тобольской губернии и отчасти Туруханского края...». Для составления программы деятельности Министерства предполагалось создать «Совет по туземным делам» с привлечением в его состав представителей отдельных народностей. Министерство полагало в ближайшее время созвать съезды туземных племен для того, чтобы «выявить нужды населения, его быт, хозяйственный уклад, численный состав, территориальные границы его обитания и т.д.». Туземцев, которые занимали сплошную территорию и уже имели волостное земство и районные национальные комитеты, предполагалось выделить в самостоятельные земские единицы, на первых порах уездные, переводя их в будущем на положение окружных. Вологодский заявил также, что «правительство приложит все меры, чтобы народам Сибири была предоставлена национально-культурная автономия, гарантирующая свободное развитие каждой отдельной национальности» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 3 «и» об., 3 «к»].

С самого начала работы сессии национальная фракция Думы по всем основным вопросам выступала вместе с социалистами против правого меньшинства. Уже на втором заседании 17 августа, когда приступили к

рассмотрению доклада комиссии по проверке полномочий депутатов Думы, разгорелась острая борьба между правыми («автономистами») и левыми (с.-р., с.-д. и националы). Правые подвергли резкой критике закон о представительстве в Думе. 46 депутатских мандатов были подвергнуты сомнению. В их числе 14 мандатов от организаций национальных меньшинств (4 от украинских: Головной украинской рады в Сибири, Омской украинской рады – 2, Алтайской губернской украинской рады, 4 от сионистских: Западно-Сибирского, Дальневосточного и Восточно-Сибирского районных комитетов, 5 от немецких: Центральный комитет немецких организаций Западной Сибири, Алтайский уездный комитет и Славгородский, Омский и Павлодарский районные комитеты и по одному от Центрального комитета эстонских колоний в Сибири и Томского латышского национального совета. Основная причина, по которой представительство национальных организаций подвергалось критике, – несовершенство «Положения о временных органах управления Сибирью», в частности его 8-й статьи о представительстве экстерриториальных народностей, перед которой, по словам В.П. Вейнберга, станет в тупик самый тонкий юрист. Сомнению подвергалось само существование национальных организаций и в этой связи законность их представительства. Так, депутат Бедро, от имени комиссии по проверке депутатских полномочий заявивший о непризнании полномочий вышеуказанных национальных организаций, мотивировал решение комиссии тем, что он не знает, «а данных в делопроизводстве комиссии абсолютно не имеется, – существуют ли в действительности данные организации и не суть ли они самочинные организации». Особое недоумение у комиссии вызвал тот факт, что из 5 немецких организаций 3 имеют свое местопребывание в г. Славгороде Алтайской губернии, «как будто там фабрика этих комитетов». Не обошлось и без ксенофобских высказываний. Член Думы Филашев, говоря о несовершенстве избирательного закона, особенно резко высказался о том, что в Думе равно представлены (по 5 человек) крестьяне-хлеборобы и немцы, «которых душа моя не приемлет по самому существу, по всему переживаемому моменту» [3. 21 авг.; 4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 3 «и» об.-3 «к», 49, 49 об.].

Отвечая от имени фракции национальностей на обвинения в «самочинности» национальных организаций, депутат Ф.Ф. Фрезе резонно заметил, что они в такой же мере самочинны, как Областная дума и Временное Сибирское правительство. И те и другие – «факторы революции», задача которых состоит в том, чтобы привести Сибирь к Учредительному собранию и к автономии. Он особо отметил, что представители национальностей с самого начала играли консолидирующую роль в областном движении. Что же касается представительства немецких организаций, то они имеют 3 районных комитета, объединяющих немцев юго-западной (Павлодарский уезд), северо-западной (Омский уезд) и центральной (Барнаульский уезд) Сибири, которые объединены центральным комитетом с центром в Славгороде [3. 23 авг.; 12. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 739. Л. 26.]. В конечном итоге бесспорными были признаны полномочия всех депутатов Думы.

После утверждения полномочий депутатов 17 августа были заслушаны декларации думских фракций, с которы-

ми выступили С.К. Неслуховский (меньшевики), Н.Я. Новомбергский (областники и беспартийные), Л.К. Солдатов (эсеры), Ю.Р. Саиев (национальная фракция), С.С. Борисов (секция туземных племен) и В.А. Строкан (секция экстерриториальных народов). Из первых трех фракций только эсеры в своей декларации назвали в числе «очередных задач краевой жизни», которыми должна заняться сибирская власть «после создания центральной всероссийской власти, и особенно по возобновлении работ Всероссийского Учредительного собрания», подготовку «к правильному разрешению национального вопроса в Сибири на началах признания территориальной и персональной автономии отдельных народов и попечения о народах вымирающих и отсталых» [3. 24 авг.].

В оглашенной Ю.Р. Саиевым декларации фракции национальностей говорилось: «что... впредь до созыва в возможно краткий срок Всесибирского Учредительного собрания Сибирская областная дума является верховным законодательным органом в стране. Вся же полнота власти исполнительной должна принадлежать Временному Сибирскому правительству, избранному Сибирской областной думой и ей подотчетному. Но вместе с тем фракция национальностей рассматривает Областную думу как учреждение временное, призванное довести страну до Всесибирского Учредительного собрания... До [этого] Сибирская областная дума не должна прекращать работ, не терпящих промедления в области законодательства и по регулированию работ правительства. В области ближайших работ в Думе... фракция намечает следующие основные вопросы: в первую очередь мы полагаем необходимым для Областной думы принять вносимый правительством законопроект об изменении § 8 Положения о временных органах управления Сибири. По принятии означенного законопроекта перед Сибирской областной думой встанет важный и ответственный вопрос о создании временной власти во всероссийском масштабе. Сибирская областная дума должна выразить свое отношение к этому... вопросу и высказать свои пожелания той делегации, которая будет принимать участие в переговорах по созданию всероссийской власти» [12. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 739. Л. 40, 40 об.].

В определении своей позиции в национальном вопросе фракция национальностей ограничилась выдвиганием общих требований «издания неотложнейших законов, регулирующих автономную жизнь наших народностей» и «равноправия языков всех национальностей в публичной жизни, в частных и частно-правовых сношениях, а также в признании прав языка в школе, суде, правительственных и общественных учреждениях в тех местностях, где какое-либо национальное меньшинство достигает определенной численности или процента общего населения» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 79–81].

Декларации секции экстерриториальных народов фракции национальностей и членов Думы от туземных племен в формулировании национальных требований были более конкретны и определены. Первые дали развернутую формулировку оснований, на которых должен строиться законопроект о национально-персональной автономии для внесения его на рассмотрение Сибирского Учредительного собрания. «Каждый экстерриториальный народ автономной Сибири имеет право объединения в национально-политический союз с правами юридического лица», пользующийся «правами ши-

рокой национально-персональной автономии». Общегосударственный основной закон должен не только предоставить национальным меньшинствам Сибири декларативную «возможность использования всей полноты национальных прав» «провозглашением национально-персональной автономии», но и гарантировать ее осуществление созданием системы центральных и местных органов автономии, избираемых на основе «пятихвостки» (всеобщего, прямого, равного, тайного и пропорционального голосования). Объем компетенции национально-персональной автономии предполагался достаточно широким: а) народное образование и культурно-просветительное дело; б) культ; в) национальный суд; г) санитария и общественное призрение; д) хозяйственная помощь (кооперация и прочее) и регулирование переселения, иммиграции и эмиграции; е) распоряжение землей, занимаемой данным народом на общем основании; ж) метрикация и регистрация своего населения; з) национальный бюджет» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 77 и об. 78].

Представители туземцев предъявили требования, в которых говорилось о том, что для них земельный вопрос является основным и поэтому его решение должно осуществляться «в соответствии с экономическими, национально-бытовыми особенностями сибирских народностей». Особо указывалось на важность переселенческого вопроса, который должен был решаться «на местах органами автономных национальностей и только в случае резких разногласий с общим законом о земле» его решение могло быть перенесено «в особые примирительные камеры из представителей центральной и местных властей». Что касается проблем самоопределения и самоуправления, то декларация указывала на необходимость признания «за территориально-обособленными туземными племенами» права «на установление своих бытовых законов в области суда и управления» и на осуществление национального самоуправления; «в отношении экстерриториальных туземных племен» предусматривалась национально-персональная автономия. Как видим, требование территориальной автономии, которое и ранее отстаивалось лишь казахской партией Алаш, отсутствует. В «туземной» декларации поддерживалась идея о сосредоточении в Министерстве туземных дел всех вопросов, касающихся туземных народностей, о распространении его компетенции «на все вопросы туземного характера» и о признании его «верховным органом управления туземцев и верховным арбитром во всех спорах туземных и нетуземных национальностей между собою» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 82–84]. Таким образом, требования национальностей были умеренными и не противоречили законодательным инициативам и правительственным заявлениям областных органов власти.

18 июня туземная секция избрала Временный Туземный национальный совет из представителей туземных национальностей, представленных в Думе. В него вошли: от бурят – И.С. Дурхисанов, от мусульман – З.С. Гайсин, от алтайцев – Г.М. Токмашев, от минусинцев – С.Д. Майнагашев. Поскольку, по положению о создании Туземного совета, принятому январской сессией Думы, его члены должны были избираться национальными съездами, избранный в августе 1918 г. Туземный совет имел статус временного [4. Ф. 1701. Оп. 1. Д. 2. Л. 23–23 об.].

По наиболее острому вопросу – о власти и о «народоуправстве» – националы выступали вместе с социалистами, настаивавшими на необходимости создания «временной всероссийской власти» под руководством эсеров, в то время как фракция областников и беспартийных выступала за создание власти «не по признакам партийности, а по признакам дееспособности, персонального авторитета, проникновения идеями патриотизма» [2. С. 13–14]. Высказываясь за немедленную организацию всероссийской власти на основаниях, предлагаемых эсерами, с участием представителей областных правительств, национальная фракция выдвинула условие, чтобы на историческом совещании (речь шла о намечаемом созыве в Уфе в сентябре Государственного совещания, которое должно было решить вопрос о власти) приняли участие представители «фактически автономных национальных объединений»: Башкирии, Алаш-Орды и других, и представители экстерриториальных национальных организаций [12. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 740. Л. 45–47].

Пользуясь своим преобладанием в Думе, левое крыло 70 голосами против 22 провело резолюцию по вопросу о конституировании всероссийской власти в эсеровской редакции [2. С. 14]. В формуле перехода, предложенной фракциями эсеров, меньшевиков и национальностей, которая была утверждена на заседании 20 августа, говорилось, что впредь до восстановления деятельности Всероссийского Учредительного собрания «конструирование временной всероссийской власти должно быть предоставлено особому совещанию в составе съезда наличных членов Учредительного собрания, представителей областных правительств... всероссийских объединений национальностей и центральных комитетов всероссийских политических партий, стоящих на платформе народовластия и непризнания брестского договора» на основе соглашения между ними. «Временная всероссийская власть должна быть образована на платформе: во-первых, восстановления единой независимой демократической федеративной России; во-вторых, создания боеспособной народной армии; в-третьих, непризнания Брестского договора; в-четвертых, ведения совместно с союзниками войны с германским империализмом до достижения всеобщего демократического мира; в-пятых, сохранения демократических завоеваний февральской революции; в-шестых, принятия в основу своей текущей деятельности постановления Всероссийского Учредительного собрания о передаче земли народу». Для оглашения формулы перехода и приветствия от имени Думы на Уфимском совещании были делегированы Карпов, Куликовский и Назаренко [4. Ф. . 72. Оп. 1. Д. 48. Л. 117, 117 об.; Д. 59. Л. 6, 37].

Последнее, что успела сделать Дума на августовской сессии 1918 г., было формирование 20 августа думских комиссий. В их числе была образована комиссия по национальным делам (председатель – И.С. Дурхисанов, товарищи председателя – А.В. Адрианов, В.А. Яновицкий, секретарь М.Л. Фабрикант, члены – М.П. Добранов, И.Г. Гольдберг, Г.В. Кобушко, А.Г. Дистлер, Л.К. Солдатов). Комиссия по национальным делам создавалась с целью рассмотрения законодательных предположений, разрабатываемых в Совете по национальным делам Министерства туземных дел или вносимых представителями национальных курий. По настоянию Фрезе было принято также решение о том, чтобы в состав комиссии допускался

с правом решающего голоса представитель той национальности, которой будет касаться рассматриваемый вопрос [3. 4 сент.; 5. 31 авг.; 4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 97–98; 12. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 740. Л. 114–117].

20 августа Дума под давлением Омского правительства вынуждена была прервать свою работу до 10 сентября [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 98 об.], успев принять лишь один закон о пополнении ее состава цензовыми элементами. Последнее обстоятельство послужило формальным поводом для указа Временного Сибирского правительства от 19 августа 1918 г.: «Ввиду принятия Сибирской областной думой законопроекта о пополнении ее состава, Временное Сибирское правительство предлагает Сибирской областной думе прервать занятия 20 сего августа и собраться вновь 10 сентября в составе, пополненном согласно одобренному Сибирской областной думой и утвержденному правительством постановлению об изменении 8-й статьи в “Положении о временных органах управления Сибири”» [8. 22 (8) авг.]. «Внешне между Сибирским правительством и Областной думой в момент перерыва ее заседаний отношения оставались дружественными, но психологически между ними успела образоваться глубокая трещина. Эта трещина, как известно, к концу сентября превратилась в непроходимую пропасть» [1. С. 82].

Осенью конфликт между Временным Сибирским правительством и Сибоблдумой вступил в завершающую стадию. По возобновлении деятельности Думы ее левому крылу пришлось вступить в борьбу за власть с Омским правительством, которое «всячески старалось вести самостоятельную политику, не считаясь с Думой...». Омское правительство выработало также и повестку работы Думы, которая включала следующие вопросы: 1) рассмотрение мандатов новых членов, избранных на основании закона о пополнении состава Думы, 2) переизбрание президиума и 3) комиссионные работы по выборам в Сибирское Учредительное собрание [13. С. 105].

10 сентября Дума возобновила свою работу. В этот день комиссия по проверке полномочий признала бесспорными мандаты Г.П. Ассара (от Иркутского районного Латышского национального комитета), Я.В. Виллова (от эстонских колоний Средней Сибири), Г.Ю. Маурера и Э.Ф. Гросса (от Всесибирской эстонской национальной организации), Вампилова и Трубачеева (от Иркутского Бурятского национального комитета). В то же время снова не был утвержден мандат представителя Западно-Сибирского районного комитета Бунда (Д.И. Розенберг), а также мандаты Иркутской окружной секции Польской социалистической партии (Ю. Бургарт и К. Фрост) на том основании, что Бунд и ПСП являются политическими партиями, а это «ни по духу, ни по букве» не соответствует «Положению о временных органах управления Сибири». Не утвердила комиссия и мандат алтайского художника Г.И. Гуркина, делегированного Каракорум-Алтайской уездной земской управой вместо Г.М. Токмашева. Поводом для отказа послужило то, что Токмашев, делегированный национальным объединением алтайцев (Алтайской Горной думой) своих полномочий не сложил, а Каракорум-Алтайская управа не является «чисто национальным объединением алтайцев» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 4. Л. 80, 80 об.; Д. 48. Л. 132, 132 об.; Д. 78. Л. 2–9, 12].

Возобновление заседаний Думы совпало с работой Уфимского государственного совещания (8–23 сентября), в котором приняли участие делегации и Сибоблдумы, и Омского правительства. В это же время (8 сентября) П.В. Вологодский отправился на Дальний Восток для урегулирования взаимоотношений с правительствами Дербера и Хорвата и для установления связи с интервентами. Узнав об этом и предвидя, что переговоры окончатся не в пользу Дербера, Дума сформировала свою делегацию с целью наблюдения за П.В. Вологодским и участия в производимых им переговорах [14. С. 106; 14. С. 26]. Во время дебатов по поводу того, посылать или нет думскую делегацию на восток, состоявшихся 12 сентября, фракция национальностей высказалась за необходимость посылки делегации, чтобы Дума была в курсе событий, происходящих на востоке [12. Ф. П-5. Оп. 4. Д. 740. Л. 196]. От национальной фракции в состав делегации вошли Г.П. Ассар, И.И. Аланов и В.А. Строкан [14. С. 26; 8. 2 (15) сент.].

На заседании 12 сентября фракция национальностей подняла вопрос об увеличении представительства в Думе от инородцев. «Если говорят о необходимости увеличения представительства от казачьих войск и “от каких-то лесоводов”, – заявил депутат С.С. Борисов, – то надо увеличить и представительство инородцев, которые не менее крестьян заинтересованы в земельном вопросе» [5. 15 сент.; 8. 15 сент.]. Проект предусматривал установить норму представительства алтайских и минусинских племен, монголо-бурят и якутов в 5 депутатов, что должно было уравнивать их представительство с представительством тюрко-татар (мусульман) и нетуземных народностей Сибири. Необходимость увеличения представительства в Думе туземных племен в объяснительной записке к законопроекту мотивировалась тем, что они «занимают обособленные территории, имеют свой особый культурный, экономически бытовой уклад жизни, свой язык и свои верования и поэтому резко отличаются от остальной массы населения в своих интересах» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 203, 204].

17 сентября по решению Думы ее состав дополнили Ян Залэнский (от Союза объединенных польских организаций г. Гродекова и окрестностей), Цибен Жамцарано, Гамбожат Чимитов (от Забайкальского Бурятского национального комитета). Были также внесены изменения в состав думских комиссий: в финансовую комиссию вместо Фрезе был введен Вампилов, вместо Табокова Грингоф; в комиссию по национальным делам вместо Фабриканта Ассар, вместо Гольдберга Залэнский, вместо Солдатова Жамцарано; в комиссию по рассмотрению положения о выборах в Учредительное собрание – Трубачеев вместо Карпова; в комиссию по запросам – Токмашев вместо Аланова. Аграрная комиссия в числе прочих была дополнена кандидатурами Маурера и Майнагашева [4. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 182, 182 об., 183, 188].

В этот же день при закрытых дверях без публики и представителей печати Дума рассмотрела вопрос об отношении к Временному Сибирскому правительству в связи с выступлением его представителей на Уфимском государственном совещании. Большинством в 48 голосов при 26 «против» и 9 воздержавшихся Дума приняла следующую резолюцию: «...ввиду того, что 1) декларация Временного Сибирского правительства, оглашен-

ная на Государственном совещании в Уфе, расходитя с точкой зрения Сибирской областной думы на конструкцию всероссийской власти, выявленной в формуле перехода к очередным делам, принятой в заседании 19 августа с.г., 2) из телеграммы представителей правительства – министров Серебренникова и Сапожникова, адресованной министру туземных дел Шатилову в г. Томск, следует, что точка зрения представителей Временного правительства претерпела изменение, сближающее ее с точкой зрения Сибирской областной думы, 3) что окончательная позиция Временного Сибирского правительства, таким образом, для Сибирской областной думы является неясной, предлагаем принять следующий запрос, обращенный к Совету министров: какова действительная точка зрения Временного Сибирского правительства в вопросе о создании всероссийской власти» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 183 об., 185]. В Омск для «наведения порядка» был отправлен председатель Думы И.А. Якушев [14. С. 27–28].

Страсти подогрела телеграмма П.В. Вологодского с требованием отозвать посланную на Дальний Восток делегацию Думы. В это же время по распоряжению командующего Иркутским военным округом была задержана думская делегация. Известие об этом еще более возбудило членов Думы, решивших «идти навстречу конфликту». 21 сентября Дума большинством в 56 голосов при 22 воздержавшихся приняла запрос в адрес Совета министров по поводу ареста в Иркутске думской делегации. Фракция национальностей поддержала запрос [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 199 и об., 200 и об.; Д. 79. Л. 83–84, 88]. В этот же день Дума рассмотрела законодательное предположение об увеличении представительства в Думе от туземных племен: по 5 депутатов от алтайцев, бурят, минусинских инородцев, татар и якутов. В «Объяснительной записке» необходимость изменения представительства в Думе автохтонных этносов «на более справедливое», т.е. уравнение их с нетуземными организованными народностями, «национальное представительство» которых определялось цифрой 5, аргументировалась тем, что «туземные племена Сибири в большинстве занимают обособленные территории, имеют свой особый культурный, экономически бытовой уклад жизни, свой язык и свои верования и поэтому резко отличаются от остальной массы населения в своих интересах». Дума подавляющим большинством голосов (при 4 воздержавшихся) приняла решение о предварительном рассмотрении этого вопроса 27 сентября в комиссии» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 203–204; Д. 79. Л. 97].

Последнему намерению не суждено было осуществиться, поскольку и ВСП предпринимает шаги, направленные на противодействие Думе. Вологодский в телеграмме И.А. Михайлову предложил распустить ее до завершения работы комиссий. 21 сентября Административный совет постановил прервать занятия Думы и образованных ею комиссий [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 232]. В этот же день ночью в Омске были арестованы В.М. Крутовский, М.Б. Шатилов, И.А. Якушев, А.Е. Новоселов по обвинению в попытке государственного переворота [14. С. 28–29]. На экстренном заседании 22 сентября Дума постановила считать Административный совет «незаконно созданным и подлежащим немедленному роспуску», а под-

писавших это распоряжение министра финансов И.А. Михайлова и товарища министра внутренних дел А.А. Грацианова – «уволненными» и «подлежащими суду по обвинению в попытке государственного переворота». По предложению выступавшего от имени национальной фракции А.М. Евзерова, «в связи с невозможностью продолжить свою работу» Дума предоставила все права и полномочия «Комитету Областной думы», состоящему из президиума Думы и представителей фракций. От национальной фракции в состав Комитета Думы были избраны Я. Залэнский и С.Д. Майнагашев, кандидатами – В.А. Строкан и З.С. Гай-син [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 232–233 и об.; 12. Ф. Д 144. Оп. 1. Д. 9. Л. 32–35].

На 23 сентября было назначено первое заседание Комитета Думы, но оно было сорвано, так как по распоряжению Томского губернского комиссара А.Н. Гаттенбергера часть его членов (С.П. Никонов, Ф.С. Лозовой, З.И. Шкудин, П.Я. Михайлов) были арестованы и препровождены в тюрьму. Комитет начал работу 24 сентября. В Омск Якушеву была направлена телеграмма с указами Комитета, которые надлежало опубликовать: 1) об аннулировании решения Административного совета в отношении Думы, 2) о продолжении работ Думы, 3) об увольнении Гаттенбергера с должности губернского комиссара и предании его суду, 4) об устранении с занимаемых должностей всех членов Административного совета, управляющих министерствами, и других лиц, замешанных в перевороте, 5) о выезде всех министров Временного Сибирского правительства в Томск, 6) о том, что на территории Сибири существует единое ВСП в составе избранных в январе 1918 г., 7) об осуществлении верховной власти в Сибири до приезда Совета министров в Томск Комитетом Думы (Якушеву предписывалось оставаться в Омске и осуществлять власть именем Комитета и под его руководством), 8) о делегировании в Омск уполномоченных Комитета, 9) о признании верховной власти, созданной в Уфе, 10) о создании Верховной следственной комиссии «для расследования всей авантюры» [9. Ф. 5869. Оп. 1. Д. 21. Л. 43–46]. Получение этого постановления Думы совпало с моментом, когда образовавшееся на Уфимском совещании Всероссийское Временное правительство (Директория) вмешалось в конфликт между Омским правительством и Сибобдумой. Специальным постановлением занятия Думы были на неопределенное время приостановлены. После этого проведение в жизнь решений Комитета Думы оказалось невозможным.

Представители национальных правительств в Уфе подписали акт об избрании Всероссийского Временного правительства, считая, что персональный состав Директории (Н.Д. Авксентьев, Н.И. Астров, В.Г. Болдырев, Н.В. Чайковский, П.В. Вологодский) способен «разрешить задачу управления страной в столь ответственный момент, не принося ущерба стремлениям отдельных национальностей, поскольку стремления эти не выходят за пределы федеративного устройства России» [15. С. 163]. «Националов» вполне устраивало то, что Конституция Уфимской Директории предусматривала «устройство освобождающейся России на началах признания за ее отдельными областями прав широкой автономии, обусловленной как географическим и экономическим, так и этническим признаками, предлагая окончательное установление государственной организации на федера-

тивных началах полномочным Учредительным собранием». За «национальными меньшинствами, не занимающими отдельной территории», признавалось «право на культурно-национальное самоопределение» [16. С. 190–191]. Это означало, что в национальном вопросе Директория была намерена придерживаться эсеровской платформы, сочетающей и территориальный и экстерриториальный подходы.

Во имя централизации власти Директория устранила все областные правительства, в том числе Самарское (Комуч) и Омское. Указом от 6 ноября Директория заявила о роспуске Сибоблдумы [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 250]. 10 ноября 1918 г. состоялось последнее заседание Думы, которое началось с утверждения полномочий депутатов. В числе других были утверждены полномочия поляка С.С. Романовского, корейца А.И. Кима, татар А.Ш. Неометуллова, И.А. Юнусова, бурята Б. Вампилова, якутов М.Н. Тимофеева, И.Г. Корнилова [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 48. Л. 241; Д. 49. Л. 103, 105]. Но присутствовавшему на заседании председателю Директории Н.Д. Авксентьеву удалось добиться решения о самороспуске Думы. 66 голосами против 22 воздержавшихся и при одном (И.Л. Магун, бундовец, сблизившийся с большевиками) «против» Дума приняла предложение Директории. «В видах усиления оппозиции в лице социалистов... в составе Директории...» большинством в 13 голосов («против» – 8, воздержался – 1) фракция национальностей также вотировала за самороспуск Думы [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 90. Л. 7]. «С тяжелым сердцем, – сказал представитель секции туземных племен Майнагашев, – мы будем голосовать за прекращение занятий Думы. Мы, однако, надеемся, что правительство, видя нашу жертву, даст нам то, что мы просим: воссоздание Министерства туземных дел, организацию земства среди туземных народностей и неприкосновенность нашей территории. Если мы это получим, мы всячески поддержим Всероссийское правительство» [17. 7 нояб.; 8. 12 нояб. (30 окт.); 5. 15 нояб.]. Представитель секции экстерриториальных народов А. Евзеров также выразил надежду, что Директория выполнит свои обещания по охране интересов национальностей, в том числе по

осуществлению национально-персональной автономии еще до созыва Сибирского Учредительного собрания, которое должно будет «декларировать» эту автономию, а Всероссийское Учредительное собрание установит национально-персональную автономию «во всем объеме в общегосударственном масштабе» [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 91. Л. 24–26].

Дума согласилась на самороспуск взамен на обещание Директории созвать в ближайшем времени Сибирское Учредительное собрание. Последним шагом в деятельности Думы стало создание Комиссии по выработке положения о выборах в Сибирское Учредительное собрание. От фракции национальностей в состав комиссии вошел М.К. Амдурский, кандидатом – В.А. Строкан. После этого Авксентьев зачитал указ о роспуске Думы [4. Ф. Р-72. Оп. 1. Д. 91. Л. 41]. Сибирская областная дума прекратила свое существование. Оценивая случившееся, И.М. Майский верно подметил, что, согласившись на ликвидацию Думы, Директория «тем самым выбивала из-под ног одну из довольно крупных по тогдашнему масштабу “демократических” подпорок», что означало дальнейшее ослабление позиций самой Директории. А.А. Аргунов сравнивал данную акцию по политическим последствиям с ликвидацией Комуча [2. С. 16].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что национальный фактор играл немаловажную роль на всем протяжении деятельности Сибирской областной думы. Это нашло отражение прежде всего в постановке Думой национальных проблем, в ее готовности предоставить народам Сибири искомые ими формы национального самоопределения. Определяющую роль на позицию Думы в национальном вопросе сыграли программные установки эсеров и их практическая деятельность, выразившаяся в адекватной ожиданиям политической элиты народов Сибири, как автохтонных, так и пришлых, национальной политике. Это обусловило активную и последовательную позицию фракции национальностей, которая отстаивала идею автономии Сибири, выступая практически по всем вопросам противостояния Думы Временному Сибирскому правительству в блоке с эсеровским большинством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крель М.А. Сибирское правительство и августовская сессия Сибирской областной думы // Вольная Сибирь. Прага, 1928. Сб. 4.
2. Шиловский М.В. Сибирский представительный орган: от замыслов к драматическому финалу (январь – ноябрь 1918 г.) // Сибирь в период Гражданской войны. Кемерово, 1995.
3. Сибирская жизнь. Томск, 1918.
4. Государственный архив Томской области.
5. Голос народа. Томск, 1918.
6. Сборник узаконений и распоряжений Временного Сибирского правительства. 1918. 11 июля. № 2. Отдел 1. С. 3–4.
7. Омский вестник. 1918.
8. Народная газета. Томск, 1918.
9. Государственный архив Российской Федерации.
10. Сибирский вестник. Омск, 1918.
11. Заря. Омск, 1918.
12. Государственный архив Новосибирской области.
13. Вегман В. Сибоблдума // Сибирские огни. 1923. № 4.
14. Шиловский М.В. Омские события последней декады сентября 1918 г. // Вопросы истории Сибири XX века. Новосибирск, 1993.
15. Демидов В.А. Октябрь и национальный вопрос в Сибири. 1917–1923. Новосибирск, 1983.
16. Архив русской революции, издаваемый И.В. Гессеном. Берлин, 1923. Т. 12.
17. Народная Сибирь. Новониколаевск, 1918.

Статья представлена кафедрой современной отечественной истории исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Исторические науки» 29 ноября 2004 г.